

15 июля 1904 г. — 40 лет со дня смерти А. П. Чехова — 15 июля 1944 г.

Великий русский писатель

А. П. Чехов написал огромное количество рассказов. Больше, чем кто-либо другой из русских писателей. И среди этих кратких рассказов нет ни одного, похожего на другой, на предыдущий, и в то же время каждый чеховский рассказ — образец блестящего писательского мастерства и безошибочного проникновения в человеческую душу.

— «Почему твои песни так коротки? — спросила раз птицу. — Или у тебя нехватает дыхания? — У меня очень много песен, и я хотела бы поведать их все» (Альфонс Додэ).

Так мог бы сказать о себе и Антон Павлович. Песен о человеке — теплых, грустных, нежных, смешных и высмеивающих — поведать Чехов России и миру множество. Его зоркому глазу гениального художника был доступен каждый — самый мелкий — атом жизни. Одно и то же жизненное явление, один и тот же, казалось бы, человеческий характер он мог раскрыть вновь множество раз с той новаторской неожиданностью и свежестью и, в то же время, с таким показом подлинной типичности этих явлений и характеров, какой доступен только таланту классика литературы и искусства.

Правда безусловная и честная — таков Чехов во всех своих произведениях. Говоря его же словами, Чехов — человек и писатель «обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью». Он настойчиво и страстно требовал того же и от других — больших и малых — литераторов России.

«Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какою она есть на самом деле, — писал он одному из молодых тогдашних авторов. — Ее назначение — правда безусловная и честная... Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель... Как ему ни жутко, он обязан бороться свою безразличность, маразм свое воображение грязью жизни... Он должен отрешиться от житейской субъективности и знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые!»

«Я воплощенный протест, — говорит чеховский персонаж из рассказа «Гусев». — Вижу произвол — протестую, вижу ханжу и лицемера — протестую, вижу торжествующую свинью — протестую. «Тусклая, тупая эпоха Александра III изобиловала и «навозными кучами в пейзаже» и «торжествующими свиньями» в общественной жизни страны и потому протестующий Чехов писал такие свои вещи, как «Дуэль» и «Страх», бессмертного «Человека в футляре» и «Палату № 6». Об этом последнем рассказе В. И. Ленин отозвался, по свидетельству А. И. Ульяновой — Елизаровой, глубоко и взволнованно: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня такое ощущение, что и я заперт в палате № 6»... Вот с какой потрясающей силой создал Чехов образ самодержавной, жестокой, бюрократической России 80-х годов!

«Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах... — с умешкой рекомендовался как-то Антон Павлович. — Я хотел бы быть свободным художником — только... Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах. Фарисейство, ту-поумие и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузаках». Демократ и один из благороднейших русских гуманистов, страстно желавший, по свидетельству А. М. Горького, «видеть людей простыми, красивыми, гармоническими», — Чехов с болью сердца живописал людей «сереньких», безвольных, пошлых, душевно немощных «Россия — страны казенной», глубоко веря в то же время в Россию «великую и прекрасную». «Тогда человек станет луч-

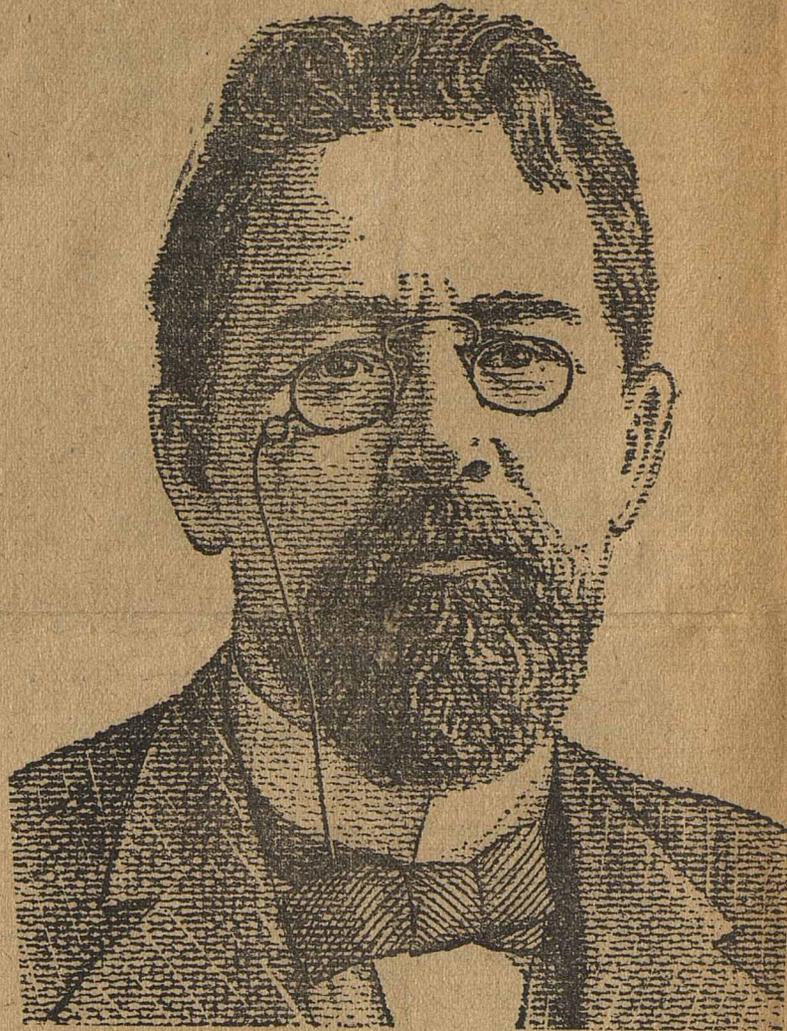

Рис. Ф. Добрынина.

ше, когда вы покажете ему, каков он есть» — писал о своей задаче художника и гражданина А. П. Чехов.

Большая мысль Чехова им же самим сформулирована: «Мое святое, святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютная свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выразались». Социальный оптимизм великого писателя прекрасно чувствуем и понимаем теперь мы, современники. Сквозь чеховскую тоску и «быденщину», на которую так сетовали недалекие литературные критики прошлых годов, мы видим страстную и чистую мечту Антона Павловича о лучшей жизни, о вдохновенном труде и творчестве народа. Со страниц чеховских рассказов и песен звучит поэтическая песнь надежды на то, что скоро «жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец». (Вершинин в «Трех сестрах»). В последние годы своей жизни Чехов уже пророчески говорил о новой России, чью революционную поступь великий писатель услышал своим чутким ухом.

Недаром товарищ Сталин называет имя А. П. Чехова наряду с именами великих людей нашей Родины.

Краткость — сестра таланта. Как и Мопассан, Чехов был верен этому принципу художественного письма. Лаконизм чеховского письма уникален и следован им от прозы Пушкина. Оттуда же простота и точность чеховского языка. Языка классического по своей выразительности, меткости и особой лирической сущности, свойственной, в частности, большим пьесам Чехова. В описаниях природы или человека Чехов непревзойденный мастер детали. Он учит этому и других: «В описаниях природы, — советует он своему брату, А. Чехову, — надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы в прочтении, когда закрошь гла-

за, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки, и покатилося шаром черная тень собаки или волка».

И такой же гениальный мастер краткости, мастер детали А. П. Чехов и тогда, когда лишь намекает он характер своих персонажей или сюжетную ситуацию для них. Войдите в лабораторию его творчества: раскройте его записные книжки — и вас уже никогда не покинет очарование чеховского гения. Здесь кратчайшие из кратчайших новелл, одни лишь зародыши рассказов и сценических картин, но сколь многое видите вы в них!.. Вот хотя бы несколько золотых строк из «Записных книжек» Чехова:

— Муж и жена любили гостей, потому что без гостей ссорились.

— Офицер с женой ходили в баню вместе, и мыл их обоих денщик, которого они, очевидно, не считали за человека.

— Дедушке дают покушать рыбы, и если он не отравляется и остался жить, то ее ест вся семья.

...Чехов-прозаик и Чехов-драматург равно велики в нашем сознании. Драматургия Чехова — это новый театр в истории России и всего человечества. И здесь, как и в прозе, для Чехова важно прежде всего — сказать правду о жизни, правду безусловную и честную. Театр Чехова — это не бытопись, вмещенная в канонические, привычные формы сценического действия, а — реалистическая психопись, требующая от театра не прежнего актера — «лицедея», но актера — «внутреннего человека». В жизни и только в жизни обретет свое правдивое искусство актер, — этого требовал от театра А. П. Чехов. Ревниво и любовно пестовал он эти новые качества русского актера, прийдя в Московский Художественный Театр. «Страдания — поучал он свою жену, О. Л. Книппер-Чехову, — выражать надо так, как они выражаются в жизни, — то есть не ногами, не руками, а тоном, взглядом: не жестикающей, а грацией... Не делай печального

лица ни в одном акте. Сердитое — да, но не печальное. Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только пошвыстывают, задумываются часто. Так и ты частенько задумывайся на сцене во время разговоров. Понимаешь?».

Драматургия Чехова безгеройна, в ней отсутствует внешнее напряжение фабулы, сценическое движение ее лишено обуславливающих это движение острых и неожиданных ситуаций, выверенных театральных эффектов и всех иных «специфических» признаков обычной драматургической культуры. Покоряющая сила чеховских пьес — их душевная музыка, нежнейший символизм. Внутреннее эмоциональное развитие и звучание чеховских пьес — такова причина и форма нового и новаторского на театре огромного действенного напряжения, которым насыщена драматургия А. П. Чехова.

Чехов оказал и оказывает огромное влияние на искусство и литературу Запада. С заразительностью чеховского волшебного искусства могут состязаться только творения Льва Толстого и Ф. М. Достоевского, и не случайно эти три гения русской литературы стали кумирами всего человечества. Драматургия Пристли, Одетса и других англосаксонских писателей современности очень многим обязана нашему Чехову. Уже давно английские и американские театры не расстаются с пьесами величайшего русского драматурга, а издательства — с его прозаическими произведениями.

...Сорок лет назад Лев Толстой, сердечно любивший Чехова, сказал о нем: «Достоинство его творчества то, что оно понятно и сродно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. А это главное. Я как-то читал книгу одного немца, и там вот молодой человек, желая сделать своей невесте хороший подарок, дарит ей книги и чьи?.. Чехова. Считает его выше всех известных писателей».

Да, были некогда проблемские сознания у жителей Германии... Ныне немец другой: все ценное человечеством, все общечеловеческое он не только отрицает — он уничтожает, он истребляет всюду, куда бы ни ступила его тевтонская нога. Освернила она и чеховские родные места — Таганрог и донецкую степь, разрушил и расхитил немец и места крымских встреч Толстого и Чехова. Творя это, немец стремился отнять у России память, уничтожить любое воспоминание о том, что сделало нашу страну великой и благородной в семье народов мира. С гордостью скажем мы: вечная слава русской литературе, в которой Гитлер зрит своего личного врага!

И Чехов — непримиримый личный враг современного Берлина. Это потому, что он — сын России: верный сердцем ей, гением своим, мечтой, сыновней болью и сыновней радостью. Это потому еще, что писатель он глубоко лиричной любви к человеку, умный и советливый друг человека, что художник он чистой и трепетной правды. Такое оружие русского гения и национального нашего характера, по-истине, опасно для тевтонского духа и готтентотской морали современного немца.

...Много лет назад он писал в одном из своих рассказов: «В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...».

Сегодня, в день сорокалетия смерти своего гениального писателя, мирная и военная Россия, Россия правды, борьбы и любви к человеку, чья имя Чехова, отвечает ему бессмертными и благороднейшими делами своими:

— Да, мы доплыли, Антон Павлович, до настоящей правды. Она светит нам и Вашим чистым именем...

Мих. КОЗАКОВ.